

ЗАГОТОВИТЕЛИ: — А вот наши виды на урожай.

Рисунок Юрия ЧЕРЕПАНОВА

Что остается человеку, летящему в Барнаул на высоте семи километров? Съесть аэрофлотовскую курицу и отстегнуться. Ни повздорить с пилотом, ни выйти «по требованию» он не может. В удел ему дана философия.

Я смотрел в окно на молниевые зарницы, оранжево вспыхивавшие под крылом, и испытывал недоверие к технике. В моих карманах топорщились письма, адресованные редакции «Крокодила» по поводу Алтайского моторного завода.

«Заклинило двигатель трактора Т-4, — кисло намекали из Удмуртии. — Мотор заглох. Алтайский завод, которому писали, тоже...» Из усть-абаканского хозяйства обращались более раскованно: «К дьяволу пошел коленчатый вал двигателя АМ-1. Что они... там себе на Алтае думают? Из шести их двигателей... четыре не работают! Сорвали сев, и есть все шансы на срыв других работ. Переписка с заво...» Что же касается товарища Вепрева из Назаровского зерносовхоза, Красноярского края, то товарищ Вепрев вел с заводом изнурительную тяжбу. Уж он и корил письменно, и пресмыкался, и молил, и сетовал. А завод играл с ним то в поддавки, то в кошки-мышки, то просто обманывал. Писал Вепреву, что послал запчасти к сломавшемуся двигателю железной дорогой, с вымпелом «Бороденчик». А где он, вымпел? Кто таков Бороденчик? И тов. Вепрев справедливо заявлял: «Нам нет дела до их уверток. Мы пахали. Теперь не можем».

И совсем мрачную картину освещало послание из Орловской области. Приобрели в Кромах комбайн с алтайским двигателем СМД-7, били друг друга ладошками, ахали от радости, приседали. Взобрался хлебороб на новую технику, а техника нежно вздохнула: «Чух-чух-чух». И встала. Кинулся бледный председатель к агрегату:

— Что, Иванушка? Дале не чухает?

— Не только не чухает, — отвечал механизатор, — но даже не фурчит. А уборочная на носу. Почесали носы, вызвали комиссию, та признала, что «кавария произошла по вине завода». Уехала комиссия, сгнула. Бросились звонить по телефону и в набат. И однажды получила депеша от начальника бюро рекламаций алтайского завода Бороденчика: «Детали восстановления двигателя не отгружали». Правда, Бороденчик остался верен себе и там же дописал: «ближайшее время будут отгружены ваш адрес». Но опять же остался верен себе и не отгрузил.

Поскольку стюардесса велит пристегнуться перед посадкой, нет времени перечислять сорок других претензий к Бороденчику — из Ярославля, Читы, Волгограда и т. д. А уборка-то на носу, а двигатели не только не чухают и не фурчат, но даже не тук-тук-тукают. В общем, впечатление складывалось не в пользу алтайской техники.

В качестве коллективного ходока, выступающего от сорока разных организаций, я набрал номер директора Алтайского моторного завода, чтобы встретиться и потолковать под сенью труб заводских. Полдня я звонил, и полдня приемная разными голосами интересовалась, по какому вопросу. Я отвечал, что по качеству. Тогда мне говорили, что директор этим вопросом не занимается.

Толкач, как известно, не сдастся. Он должен срывать администратора или не вернуться. И, глубже осваивая профессию, я поспешил к заводу.

Не надо иллюзий. Попасть толкачу на Алтайский моторный много трудней, чем на кинофестиваль. Понимая это, я томился в проходной перед вахтером дядей Фейей. Он красноречиво трогал кобурку гигантского револьвера и не впускал. Неожиданно вахтер сжалился и показал объявление. Привожу его текстуально:

«Прибывшие из хозяйства страны по вопросам отказа двигателей, звоните по двигателям АМ-1, добавочный такой-то, а по двигателям АМ-41 и СМД-7, добавочный саякой-то. Бюро рекламаций».

Документ этот оказался снаружи как бы путеводным, а внутри сплошь демагогическим. Ибо в бюро пропусков висело еще одно объявление: «Приемный день по рекламациям — завтра». Судя по степени засиженности мухами, объявление абсолютно не снималось.

Пропуск мне принес на другой день Андрей Никитич Слинкин из Тюмени, проникший на завод ранее меня.

— Ододел, — сказал Андрей Никитич. — Просочился.

На его простом, мужественном лице сияла гордость Джеймса Кука, еще не съеденного тогдашними дикарями.

— У вас, что же, — деловито спросил я, — жиклер засорился? Или еще что-нибудь с карбюратором?

— Я без понятия, — объяснил гонец из Тюмени. — Мое дело...

Обеими руками он изобразил несколько толкательных движений.

— А-а, — уважительно сказал я. — Коллега, толкач...

Тут сделаем лирическое отступление. Напрасно злые супруги командированных полагают, что их благоверные, находясь в своих миссиях, пропивают, жуируют и отплясывают ча-ча-ча с разными гражданками. Нет. Суточные и квартирные кончились у толкача еще третьего дня, а живет толкач не в отеле «Россия», но в древней корчме на Птичьем рынке. Да и прилетел чрезвычайный и полномочный посол хозяйства не за трактором и даже не за коленавалом, а за прачкалкой, цена же ей — шестнадцать копеек.

— Желая успеха, — любезно сказал на прощание Андрей Никитич. — А я побегу телеграмму давать... Все ж таки ододел. Вытолкал!

Однако и я в бюро рекламаций тоже наконец «просочился» и фронтально подошел к проблеме поломок. Батюшки! Когда я заглянул в книгу учета претензий, то чуть не потерял и так уже пошатнувшееся самообладание. Хотелось накинуться на братьев-изготовителей. Выяснилось, что «география» жалоб у меня далеко не полная (прибавьте Салехард, Львов, Дудинку, Петрозаводск), а пороги завода обивает ежедневно целый взвод толкачей. Также выросла гамма поломок — нарушение дисбаланса, попадание воды в картер и так далее.

— Это еще что! — утешил А. Н. Жихарев, начальник бюро. — Сейчас мы хоть книги учета завели, осуществляем анализ. А при Бороденчике! Присутствовавшие вздрогнули. Верно, бывшего командующего рекламациями — Бороденчика, морочившего головы людям и коллективам, недавно абстрагировали от работы завода, выперли, но кашу он заварил и оставил такую, что в ней не только черт ногу сломит, но даже сам товарищ Нарожный, начальник ОТК, вкупе с двумя тысячами своих подчиненных.

Я не оговорился. Две тысячи! Дополнительно сообщу еще кое-какие пикантные цифры. Завод успел выработать шестьдесят тысяч двигателей, а запчастей к ним — нуль, мизер, фиговый канцелярский листик.

Однако на заводе меня клятвенно заверили, что в целом это не их дело — запчасти.

— В чем же дело? — с маниакально-неприличным упрямством интересовался я. — Может быть, в конструкции?

— Нет, — говорили мне. — Конструкция очень хорошая. Даже отличная. Только масляный насос плохой. А если он из строя выходит, то и весь двигатель — к лешему...

Стал я вентилировать проблему насоса. Но и здесь не удалось навести критику. Ведь масляные насосы не являются делом рук Алтайского моторного. Они происходят с Алтайского агрегатного. А там, в свою очередь, свершают их на неподходящих станках, являющихся делом рук... Позвольте не продолжать. У меня закружилась голова. Я отдохнул под тук-туканье сборки и пошел к главному конструктору. Туда я попал в знаменательный и, можно сказать, исторический момент.

— Нет, братцы, — говорил Евгений Маркович представителям Ставропольского завода поршневых колец. — Теперь этот номер с негодными кольцами у вас не пройдет. Не приму. Хоть зарежьте...

По добром, умному и, конечно, усталому лицу конструктора прошла судорога. Было очевидно, что в конце концов ставропольцы его-таки «зарезут» и кольца (с отклонениями по твердости и упругости) он примет. А куда деваться? Ведь не останавливать же завод!

Я бережно закрыл за собой дверь кабинета, откуда несло бормотание:

— ...Какое мне дело... Евгений Маркыч... Заставьте, как говорится, бога молить... Не мое де-

ло... Ну, хотите, встану на колени... Ну, возьмите, возьмите... Возьмите же!..

В кабинете главного конструктора раздался грохот, перекрывший производственный шум. Возможно, это самый тучный представитель поршневых колец действительно бухнулся в ноги главному конструктору.

А тем временем на заводской двор входил, озверело озираясь, тысяча первый толкач. Шел ли он кланчить, жаловаться или просто кого-нибудь бить, я не знаю, но возмущение толкача понятно. Разрешите его разделить. Ведь я, грешен, поддался было слезливости. Мне на секунду стало жалко всех-всех-всех, в том числе и смежников. А потом я подумал, что главный виновник — это все-таки завод. Раз он ставит на продукцию свой товарный знак, то и нечего кивать на смежников. Не кивать надо, а давить, нажимать, требовать.

...Я летел домой и загибал пальцы. Директор, как мы уже знаем, не занимается качеством: он круглые сутки решает проблему запчастей. В свою очередь, у агрегатного завода не болит голова по линии негодных насосов: ведь он выработывает их не на должных станках. Ставропольскому заводу-смежнику нет никакого дела до конечной алтайской продукции: он хочет сбыть свои недоброкачественные кольца. А алтайцы в любой критический момент сошлутся либо на тех же ставропольцев, либо на объективные причины. А кого интересуют объективные причины?.. Вот и получается одно общее кольцо, из которого выпадает несчастный потребитель...

«Постояйте, а кому еще нет дела? — задумался я. — Не пропустил ли я кого-нибудь? Ну, точно: себя. Мне ведь тоже, по сути дела, нет вроде бы особого интереса ввязываться в эту скандальную историю... Вот отстегнусь да начну сочинять про них безобидную, трогательную корреспонденцию...»

Тут в самолете вспыхнуло красное табло: «Пристегнитесь!». И я ужаснулся: что, если здешний масляный насос — родственник барнаульскому? Вот будет веселенькое дельце!..

Но нет, у Аэрофлота смежники надежные.

г. Барнаул.

Вам, дорогой читатель, эта физиономия должна быть знакома. И если это так, советую заглянуть на седьмую страницу...

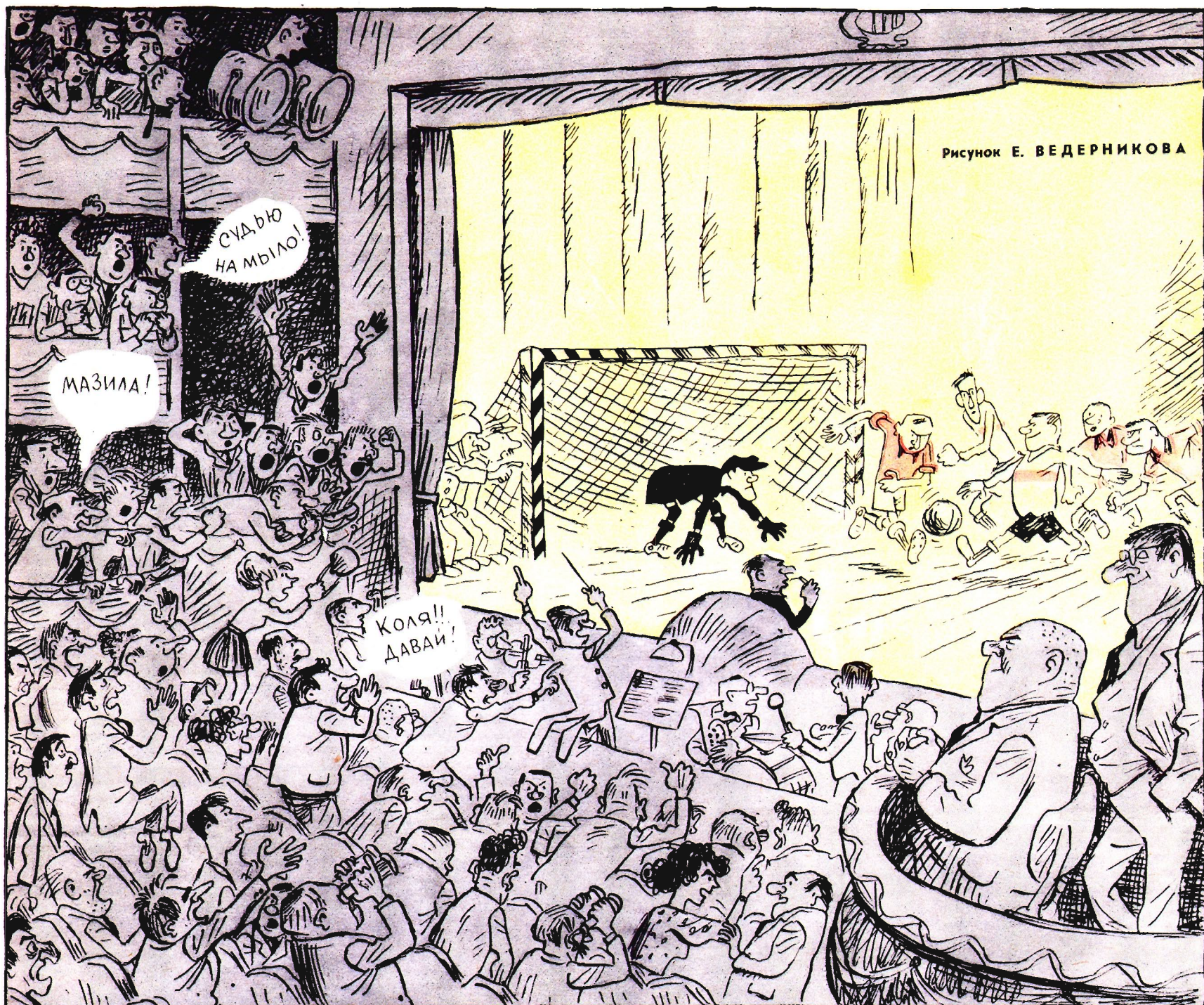

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА

— С приходом нового режиссера приток зрителей в наш театр значительно увеличился...

Роман КОГАН

СТАРАЯ СКАЗКА НА НОВЫЙ ЛАД

За перо я взялся, дабы
Рассказать, друзья, о том,
Как в столовой дед и баба
Ели кашу с молоком.

Дед с бабушкой по делу
Как-то прибыли в район,
Ничего с утра не ели,
Совершили моцион.
От зари и до обеда
Продолжался трудный путь.
И решили бабка с дедом
В ресторанчик завернуть.
Подошла к столу девица,
Серьги длинные висят.

— Вам, дедусь, опохмелиться?
Дважды по сто пятьдесят?
Дед ответил очень сухо,
Даже удивился дед:
— Извините, со старухой
Мы не пьем уж сорок лет.
Вынул хлеба полбуханки.
— Нет, не пьем мы нипочем.
Принесите нам, гражданка,
Щи и кашу с молоком.
Пять минут «гражданки» нету.
Двадцать... сорок... Дед все ждет.
Вот она идет к буфету,
Стопки разные несет.
Поспешает, суетится
Расторопная девица.
Но бежит она к столам,

Где заказано сто грамм.
Дед нахмуренный сидит,
На старуху смотрит косо:
Пропадает аппетит.
Наконец пришла с подносом
И на стол почти рывком
Ставит кашу с молоком.
— Где же щи?
— Как видно, нет.
Щей не выписал буфет.

Лампочка мерцала слабо,
Вечерело за окном.
Час прождавши, дед и баба
Ели кашу с молоком...

Новгородская область.

КАК Я НЕ СТАЛ КИНОМАНОМ

Я люблю кино. Но не настолько, чтобы сидеть одновременно на четырех стульях. И все же я научился этому недавно в Москве. Я сидел одновременно в четырех креслах: одно — в кинотеатре «Россия», второе — в «Космосе», третье — в «Ударнике», четвертое — в «Прогрессе». Я купил абонементы в четыре кинотеатра, чтобы ознакомиться с возможно большим количеством конкурсных фильмов. К сожалению, выяснилось, что именно конкурсные фильмы в этих кинотеатрах будут идти в наименьшем количестве. В основном здесь пойдут фильмы внеконкурсные.

— Вам очень повезло, — объяснил мне знакомый зубной врач, обычно не пропускавший ни одного просмотра в Доме кино. — Конкурсные фильмы существуют для того, чтобы режиссеры получали премии, а внеконкурсные — для того, чтобы зрители получали удовольствие. Чего стоят одни названия! «Девушка с пистолетом», «Бандиты в Милане», «Татуированный», «Украденные поцелуи» и даже «Утка, которая звонит в половине восьмого». Скажите честно, приходилось ли вам когда-нибудь видеть утку, которая звонит? Тот!

Восемь крупнейших московских кинотеатров, все дома творческой интеллигенции, большинство дворцов культуры и клубов наперебой в три смены крутили у себя внеконкурсные картины.

Теперь, когда фестиваль кончился, я пытаюсь привести в порядок мысли. Одному человеку всю бездну фильмов пересмотреть было просто невозможно. Даже взяв двухнедельный отпуск за свой счет, даже используя все жанры современного городского транспорта — от реалистического подземного до фантастического таксомоторного, — человек не мог объехать необъятное.

Человек, но не киноман. Киноман — это вид привидения, способного появляться одновременно в нескольких кинотеатрах. И сверх этого часами простаивать у подъездов гостиницы «Россия» в надежде увидеть живую Софи Лорен, или живого Марчелло Мastroяни, или полуживого (от рукопожатий, похлопываний по плечу, фотовспышек и интервью) Альберто Сорди. Среди киноманов преобладают женщины (киноманки). Впрочем, встречаются и мужчины. И те и другие знают, что «надо» смотреть и что «не надо»...

— И тут Омар Шариф сбрасывает камзол и остается в одной повязке из махрового полотенца. Он обнимает ее, и они ложатся в постель...

— Нет, в постель они ложатся, когда Омар Шариф сбрасывает полосатый костюм.

— Постойте, вы же говорите о разных фильмах. Камзол он сбрасывает в «Мейерлинге», а полосатый костюм — в «Забавной девчонке».

— А что он сбрасывает в «Женщине на один сезон»?

— Вы с ума сошли! В «Женщине на один сезон» сбрасывают с себя все, что на них есть, Ирина Петреску и Юрие Дарие.

— А в «Повелителе мух»? А в «Утке, которая звонит в половине восьмого»?

— В каждом фильме кто-нибудь что-нибудь с себя сбрасывает. Теперь это обязательный стандарт коммерческого кино.

И тут раздаются голоса разумных рядовых кинозрителей:

— Минуточку! Минуточку! Но ведь «Женщина на один сезон» поставлена

в Румынии, а «Повелитель мух» — в Польше.

— Ну и что из этого? Некоторым, даже талантливым, кинематографистам очень хотелось котироваться на международном кинематографическом рынке. И вот что получилось: они подменили в своих картинах любовь постелью. На западный манер, совсем на западный. А этот манер отличается поразительной трафаретностью. Альковные сцены кочуют из фильма в фильм, вне зависимости от стран и исполнителей. И порою кажется, что это трафарет провинциального фотографа, куда разномысленные герои только вставляют свои лица.

В самом деле, без постели не обходится почти ни один западный фильм, как почти ни один не обходится без насилия и убийства. А между прочим, перед началом фестиваля в Москве на заседаниях международной гильдии киносценаристов как раз обсуждался вопрос об ответственности за пропаган-

ду насилия и секса в современном кино.

Товарищи, отбиравшие фильмы для внеконкурсных просмотров, как видно, были не в курсе. И функции отборочной комиссии они переложили на зрителей. Дескать, зритель у нас грамотный, как-нибудь освоит опыт басенного петуха и найдет для себя жемчужные зерна...

Но эти зерна были на конкурсных просмотрах. Например, англичане показали блестящий музыкальный фильм по «Оливеру Твисту», американцы — мастерски снятую «Космическую Одиссею — 2001», поляки — грандиозное историческое полотно о пане Володыевском, французы — острую сатирическую ленту Жака Тати «Время развлечений», югославы — волнующую партизанскую драму «Когда слышишь колокола»...

И я поскорее поменял четыре «внеконкурсных» абонемента на один «конкурсный». Из киномана я превратился в нормального кинозрителя, радуясь каждому значительному явлению искусства. Я увидел, как многообразна современная некоммерческая кинематография мира. Я понял, как относятся к московским киноконкурсам лучшие мастера мирового кино.

«Получить приз на Московском фестивале — это значит утвердить себя в высоком киноискусстве. И, между прочим, это значит получить хороший прокат на международном кинорынке». Этого мнения придерживается один из лучших комедийных актеров Англии, Рон Моуди, виртуозно сыгравший в фильме «Оливер!» трагикомическую роль Феджина.

«Мне хочется верить, что наш мир будет таким же добрым и радостным, как этот кинофестиваль». Это сказала старейшая американская киноактриса Лилиан Гиш.

«Я был на многих кинофестивалях, — заявил знаменитый Мишель Симон, «Господин такси» из Франции, — но ничего подобного я не видел».

А группа иностранных кинодеятелей, у которых я попытался узнать, какие из фильмов, виденных ими на фестивале, произвели на них самое сильное впечатление, буквально забросала меня названиями.

— «Октябрь», «Живой Ленин», «Журавушка», «Еще раз про любовь», «Стачка» Эйзенштейна, «Мать» Пудовкина, «Закройщик из Торжка» Протазанова...

Признаться, я несколько растерялся. Откуда, из какой далекой старины взялись «Стачка» и «Закройщик из Торжка»?

Оказывается, из малого зала кинотеатра «Октябрь», где Совэксспортфильм показывал на так называемом «Международном кинорынке» новые и старые советские фильмы.

Да, московские кинофестивали оказывают воспитательное влияние на международные кинокусы. В то время как некоторые наши снобы еще рвутся на альковные приключения модного киногероя Омара Шарифа, иностранные кинематографисты получают наслаждение от наших искренних, чистых фильмов. И эти новые веяния выходят за пределы малого зала кинотеатра «Октябрь» — выходят на простор большого международного кинорынка, который встречает советские фильмы все более гостеприимно.

Вот что мы увидели на Шестом московском кинофестивале. И уже за это ему спасибо!

Лилиан Гиш

Рон Моуди

Софи Лорен

ГЕНЕРАЛ-ЗАГОНЯЛА

Когда едешь по дорогам Америки, то и дело видишь вперемежку со щитами, рекламирующими покрышки «Гудьер» и виски «Уайт хорс», огромные плакаты с нарисованными на них вооруженными молодчиками в военной форме. Зазывно блестя в широчайших улыбках все тридцать два зуба, форма сидит, как фрак на дипломате. Бравые парни, источая блаженство, приглашают молодых людей в казарму, суля им всяческие радости. Самые лаконичные из таких плакатов уверенно и доверительно обещают: «Армия сделает из тебя мужчину». Есть и более словоохотливые, раскрывающие и углубляющие эту же тему:

«В армии ты чувствуешь себя мужчиной, потому что можешь сам наглядно убедиться в своей физической и духовной силе, а также в пригодности к подлинно мужскому делу. В армии ты сможешь побывать в романтических странах, пока ты еще молод и в состоянии все видеть, все делать, брать все от жизни... Тебе не придется угробить целые годы на работу, которая в будущем может и не оправдать себя. Запомни этот адрес и прямо обращайся к армейскому вербовщику».

Доля истины, очевидно, в плакатах есть. Десяткам тысяч солдат, погибших во Вьетнаме, действительно не пришлось «угробить целые годы...». Они быстро угробились сами.

Может быть, именно в силу такой неожиданной правдивости рекламных щитов Пентагон ищет другие средства для пополнения американской армии. Генералам-зазывалам приходится перекалифицироваться. Теперь они становятся генералами-загонялами.

Главный из них — генерал-лейтенант Льюис Хёрши. Он не просто ветеран призывного дела. Он столп, монумент, символ. Он руководит набором в американскую армию с 1941 года. Недавно ему стукнуло семьдесят пять лет. Дотошные журналисты подсчитали, что Хёрши пересидел на своем месте шестерых американских президентов. Его сотрудники рассказывают, что, когда генерал видит на улице молодых людей, он начинает непроизвольно пересчитывать их, никогда при этом не сбываясь со счета. Еще был! За эти годы через его руки прошло четырнадцать миллионов новобранцев.

Кстати, любопытная деталь. Кроме Льюиса Хёрши, таким же, даже еще большим чиновничьим долголетием в США отличается только один человек — Эдгар Гувер, который более сорока лет возглавляет Федеральное бюро расследований. Похоже, что полицейская слежка и набор в армию — две самые прочные шестерни в государственной машине США. Президенты приходят и уходят, республиканцы сменяют демократов и наоборот, а Гувер и Хёрши по-прежнему восседают в своих креслах, незыблемые, как Бруклинский мост.

В последние годы, несмотря на почтенный возраст, Льюис Хёрши особенно лихо проявляет свой талант генерала-загонялы, и неистощимый ум его производит на свет все новые и новые прожекты. Это он, например, указал на уголовников, сидящих в американских тюрьмах, как на новый резерв армии США. Предприимчивый, решительный — моральные качества аккурат те, что нужно. Это он потребовал отменить нелепый, на его взгляд, закон, по которому уголовных преступников не берут в армию.

Но Хёрши отличился в области не только уголовно-юридической, но и в медицинской. И все в поисках пушечного мяса! Он, например, добрался до миллионов американских парней, числившихся в архивах его ведомства под индексом I-U. Под этот индекс попадают те, кто признан при медицинском освидетельствовании умственно недоразвитым. Помилуйте, гневался престарелый генерал, где это видано, чтобы солдату нужен был ум? Забрать всех!

Со свойственной ему находчивостью Хёрши вломился и в систему высшего образования. Он стал активным борцом за высокую успеваемость студентов. Невиданно высокую! Он обрушил свой гнев даже на тех, кто получает четверки! Он предложил гнать их из высших учебных заведений вместе с двоечниками и троечниками. Гнать метлой! Но не на все четыре стороны, а прямо на призывные пункты. А чтобы либералы-профессора, эти штатские слюнтяи, не завышали студентам оценок, Хёрши предложил ввести в состав экзаменационных комиссий представителей своего ведомства. Уж кто-кто, а они знают, какой балл

ставить студентам, чтобы получить высокую отметку у своего начальства...

Бурная деятельность неутомимого Хёрши приносит свои плоды. Во Вьетнаме, например, число американских военнослужащих давно уже превысило полмиллиона. Но молодые американцы почему-то не в восторге от генеральского рвення. Все больше и больше американцев выходят на улицы и жгут свои призывные повестки. А сколько американских солдат во Вьетнаме голосуют против войны ногами! За один только прошлый год из вооруженных сил США дезертировало более пятидесяти трех тысяч военнослужащих. Это три с половиной боевые дивизии! Семидесятипятилетний генерал сокрушен: плывет, уплывает сквозь пальцы дело всей жизни!

В поисках выхода вспомнили мудрую пословицу: «Не гони коня кнутом, а гони овсом». Что, если гнать в бой не палкой, а долларом? Перевести малоосязаемый патриотизм на рельсы хорошо осязаемой оплаты?

Но обидно. Обидно до слез. С одной стороны, казалось бы, куда проще: получил от правительства доллары американских налогоплательщиков и шагом марш на рынок за пушечным мясом. С другой же стороны, в семьдесят пять лет трудно отказываться от привычек, а генерал-загоняла привык к своей дубинке — призывной повестке. Пусть она и бумажная, зато за ней стоит вся полицейская и военная сила Соединенных Штатов.

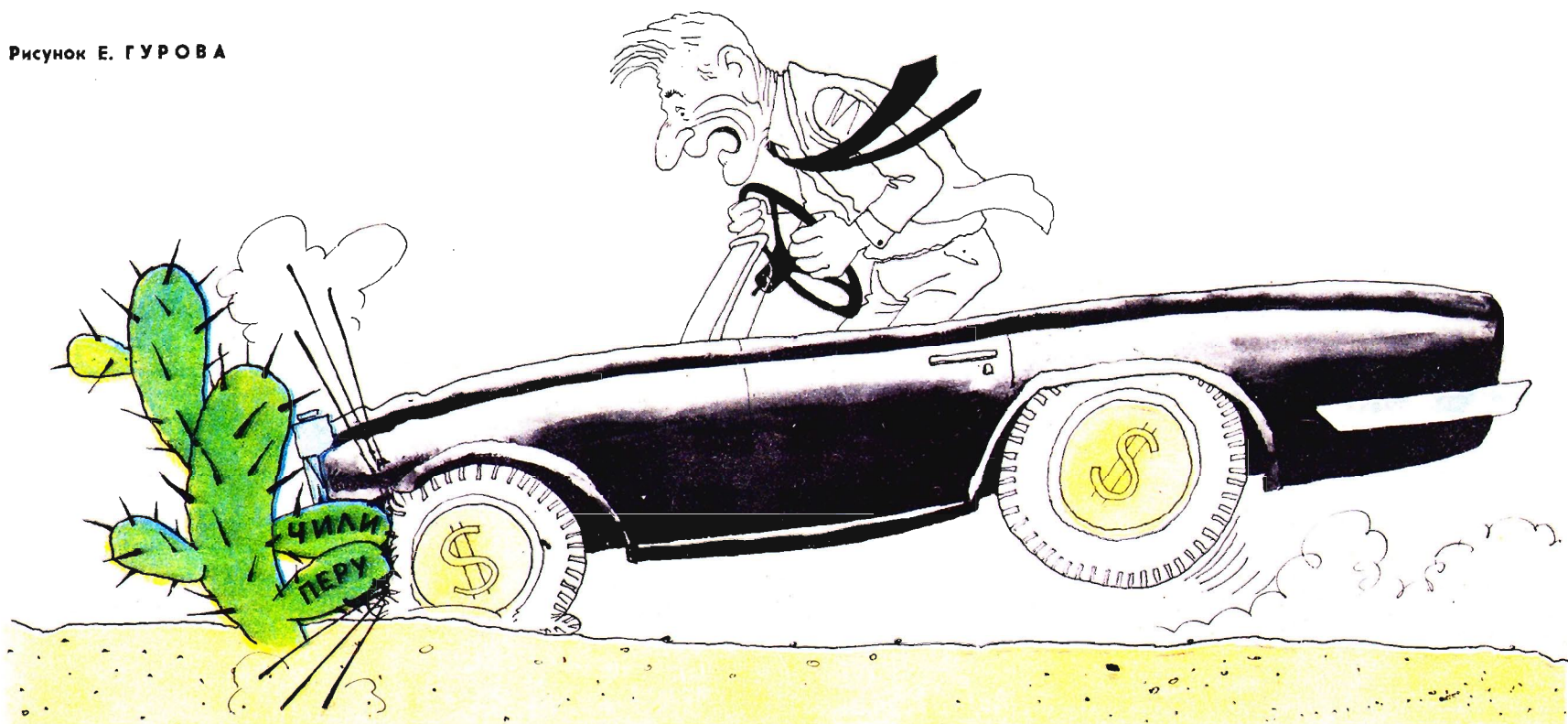
Сердце генерала гложет тоска по недавнему идиллическому прошлому. «В 30-е годы, — вспоминает он, — в разгар кризиса, нам, в армии, было лучше всего. Беда в том, что, как только жизнь налаживается, люди начинают сторониться армии». Да, конечно, голодных ландскнехтов купить можно дешевле... Но поскольку даже и голодные, которых в Соединенных Штатах не один миллион, тоже не спешат на вербовочные пункты, генерал тоскливо рассуждает: «Помимо солидного жалования, в армию должно привлекать еще кое-что».

Вот именно! Но это «кое-что» генералу не удастся ни дубинкой вколотить, ни за доллары купить... В военной машине, служащей империализму и агрессии, как раз этого «кое-чего» всегда не хватает.

Прокол.

К визиту Нельсона Рокфеллера в страны Латинской Америки.

Рисунок Е. ГУРОВА

КУКРЫНИКСЫ

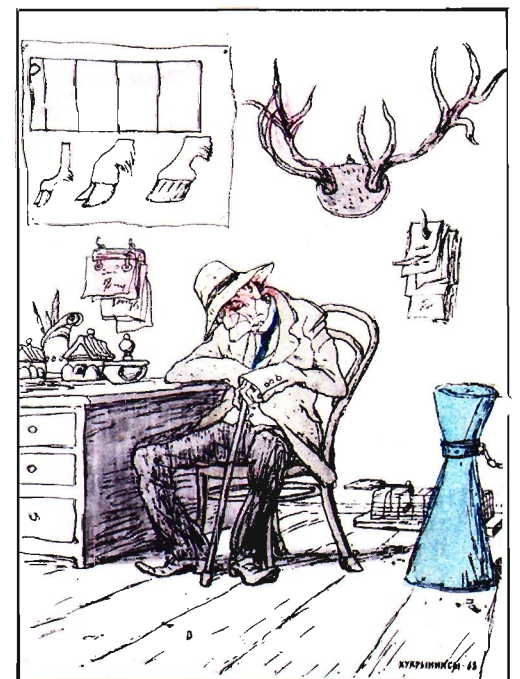

Пикейные жилеты поднимали плечи. Они не отрицали, что Чемберлен тоже голова. Но больше всего утешал их Бриан.
— Бриан! — говорили они с жаром. — Вот это голова!

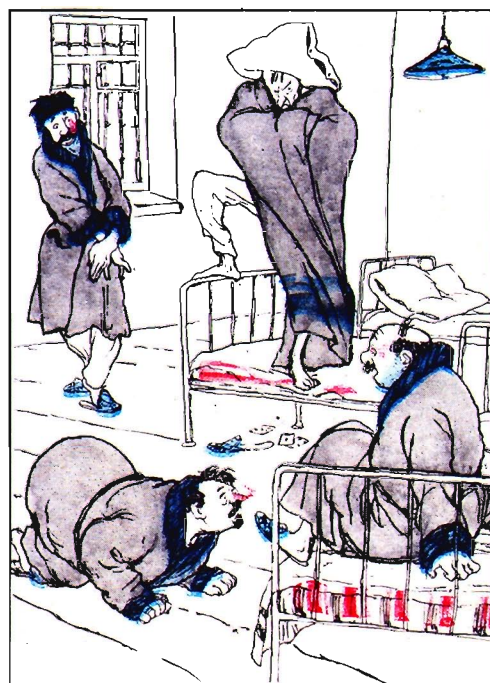
ИЛЛЮСТРАЦИИ К «ЗОЛОТОМУ ТЕЛЕНКУ»

— Я вам не помешал? — учтиво спросил великий комбинатор, щурясь.
— Да, да, — пролепетал Лохайкин, шаркая ножкой, — видите ли, тут я был, как бы вам сказать, немножко занят... Но... кажется, я уже освободился?

— Я — Фунт, — повторил он с чувством. — Мне девяносто лет. Я всю жизнь сидел за других. Такая моя профессия...

— Уйдите! Я голая! — закричал третий. — Не смотрите на меня. Мне стыдно. Я голая женщина. Между тем он был одет и был мужчина с усами.

БЕЗУМНЫЙ

ЭЛЕКТРО-ДУБИНКОЙ И КУЛАКОМ

Электричество пришло в быт из научных лабораторий. Губернатор штата Калифорния Рональд Риган повернул колесо прогресса в обратном направлении. Он намерен применить электрический ток против ученых — как сегодняшних, так и будущих.

«Я обеспечу всеми имеющимися у меня средствами должную академическую атмосферу во всех учебных заведениях штата», — прорычал Риган. — Я разрешу полиции применять специальное оружие для нанесения электрических во время беспорядков в учебных заведениях».

Атмосфера в учебных заведениях и так наэлектризована до предела. Студенты и лучшая часть преподавателей борются за мир во Вьетнаме, за подлинный прогресс и справедливость. Отрицательный заряд полицейского электрооружия, столкнувшись с высоким положительным потенциалом бунтующих студентов и преподавателей, может вызвать сильный грозовой разряд.

Ну, а пока электрооружие еще не санкционировано, полиция направляется со студентами старым способом — ручным.

Об интимных связях между швейными и пишущими машинками

Теме «любви» между машинками вообще и между швейными и пишущими в частности посвящено творчество тридцатитрехлетнего художника Конрада Кляпхэна из Дюссельдорфа (ФРГ).

Больше всего его занимает процесс определения пола машины. За последние четырнадцать лет ему удалось сделать в этом направлении ряд интересных (если не для художников, то, во всяком случае, для психиатров) открытий. Так, например, он точно определил, что швейная машина — это дама, а пишущая машинка — мужчина. Утюги — это мужчины, а вот сапожные колодки — определенно дамы, причем весьма кокетливые!

«У машин и неодушевленных предметов», — заявил он в связи с открытием выставки своих работ в Нью-Йорке, — увлекательнейшая личная жизнь и сложные сексуальные отношения. Его картина, изображающая один только сапожный колодки, называется «Гарем» (!). Другая картина — извивающийся телефонный провод. В нем болезненная фантазия художника усматривает демонические женские черты. Изображения швейных машин называются: «Агрессивная женщи-

на», «Интриганка», «Секрет ее притягательности».

О себе художник категорически заявил: «Я пишущая машинка, и поэтому я влюблен в швейные машинки». Читатель спросит: не называл ли герр Конрад Кляпхэн себя чайником? Нет, пока не называл, зато он сделал такое официальное сообщение для печати: «Моя прежняя возлюбленная, моя нынешняя жена и моя мать — швейные машины. Я же в настоящий момент очень увлечен автомобильными шинами; единственное, что меня смущает, — никак не могу определить их пол...»

А пока Кляпхэн решает, следует ли ему изменить всем своим швейным машинкам и приударить за шиной, американский журнал «Ньюсуин» весьма серьезно публикует рецензию на выставку картин этого шизофреника и даже пытается доказать читателям, что «художник создал особый мир эротического подзадания».

Интересно, кем считает себя корреспондент «Ньюсуин» — пишущей машинкой, утюгом, унитазом или же он просто корчит из себя сумасшедшего?

Из хроники собачьей жизни

АЛЛО — ГАВ-ГАВ!

В телефонную книгу Нью-Йорка внесен номер телефона любимой собаки известного биржевого маклера Бриана Т. Ловелла, который сказал по этому поводу: «Собаки тоже ощущают потребность беседовать на своем языке».

ДОРОГИЕ ПОКОЙНИКИ

В Соединенных Штатах существует контора по захоронению псов. Средняя стоимость погребения любимого пса — каких-нибудь 500 долларов. Похороны с установлением надгробного памятника стоят до трех тысяч долларов.

ВОЗДАЛОСЬ...

В 1961 году вдова Муссолини подала ходатайство о назначении ей пенсий за мужа — дуче. «Читали, надоело!» — скажет многоопытный читатель. Верно, надоело: о происках нахальной фашистской вдовы, княжнечки пенсий, был написан не один фельетон. Но эта заметка итоговая. Ибо дело сделано. Вдова больше не княжит.

Верховные инстанции Италии вынесли решение, что Муссолини хотя и был фашистским диктатором, однако занимал высший государственный пост и поэтому его вдове надлежит получать соответствующую этому высокому посту мужа пенсию в размере... 1 миллиона 665 тысяч лир в год.

Видя такое дело, сын диктатора — Витторио Муссолини тоже не растерялся и возрыдал по пенсиону. Суд вынул его молбам и дал. На том основании, что дучин сын «в течение всех этих лет был лишен возможности работать по своей основной профессии, как журналист, поскольку подвергался преследованию со стороны антифашистов» (!).

Итак, возникла новая категория «политических жертв». Теперь можно ждать, что заразительный итальянский пример подхватят в Бонне. И тогда печники Майданека, страдальцы-эсэсовцы, ангелы непорочные с коричневыми крыльшками в кровавую крапинку, «натерпевшиеся» от антифашистов, дружно ринутся к сейфам социального обеспечения за прибавкой к пенсиям...

МАЛЕНЬКИЙ КОММЕРЧЕСКИЙ ШАБАШ

В английском курортном городке Брайтоне проживает и благоденствует известная британская ведьма миссис Дорин Валенте. Вообще британские колдуны и ведьмы начиная с 1951 года, когда парламент отменил старинный закон о наказаниях за колдовство, чувствуют себя весьма привольно. Количество организованных шабашей за последнее десятилетие заметно выросло. Давая интервью корреспонденту «Обсервер», брайтонская ведьма сказала: «Да, я делаю талисманы, варю чудодейственные зелья, освобождаю от дурного глаза. Но я колдую на благо человечеству».

помогающего женщинам вернуть загулявших мужей в лоно семьи. «Кровь Дракона» может также приворожить и холостого парня, разъяснила мисс Маргарет, отвечая на многочисленные запросы девушек. Магическая кровь не дешева — маленький пузырек в одну унцию стоит пять шиллингов.

— А если я захочу приворожить женщину? — поинтересовался корреспондент «Обсервер».

— Пожалуйста, — сказала ведьма. — Вот волшебный эликсир, придающий мужчине абсолютную неотразимость.

В пузырьке, как показал химический анализ, был лоссон, применяемый после бритья.

В городе Дэрхем местная ведьма мисс Маргарет Брюс специализируется на приговлении «Крови Дракона» — снадобья,

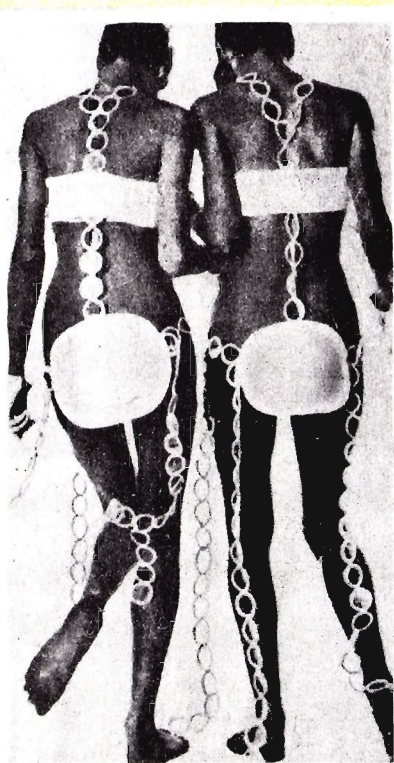
Живопись в голом виде

Недавно в одиннадцать часов утра прохожие на Уолл-стрит были поражены необычным зрелищем. На монуент Джорджа Вашингтона под барабанный бой вскарабкались четверо совершенно голых юнцов — двое юношей и две девушки. Единственное, что на них было, — это слой ярко-голубой краски, которой их опрыскала из пульверизатора японская художница Кусама. Оказавшись, мадам Кусама устроила свою очередную «выставку обнаженной живописи».

«Выращенный человек превращается в предмет искусства», — объявила художница.

Великосветская шуточка

Что мы знаем об Онассисе? а) Он женат на Жаклин Кеннеди; б) он грек, судовладелец и мультимиллионер; в) он человек тонкого великосветского воспитания. Последнее качество обнаружилось совсем недавно, когда Онассис заявил: «Нет ничего смешнее, чем влить даме в декольте соус или майонез. Очень люблю...»

Рабини моды

Французский модельер Андре Курреж убежден, что женщина — рабыня моды. А раз так — пусть ходит в цепях. И придумал вот такие «вечерние платья».

Перефразируя поэта, можно сказать, что в данном случае слава — это яркая заплатка на жалком рубище рабыни.

МИСС ДУЕТ В УС

Какие товары приобретает покупатель? Нужные. А если все, что нужно, у него уже есть? Тогда новые, доселе невостребованные. Значит, даешь на прилавке новенькое, потому как на прилавке зарекомендовано не зарекомендовано — такова святая заповедь американского торговца.

В штате Флорида владелица фирмы, торгующей париками, Баренис Бартон пришла к выводу, что ей тоже следует активизировать коммерцию, ошарашив покупателя каким-нибудь ультрановым волосным товаром. Посему она объявила новую моду, подкрепленную бойкой рекламой: «Ничто так не украшает женское лицо, как элегантные усы или красивая нагладная борода». А чтобы будущие покупательницы не сомневались, мисс Баренис Бартон рекламирует товар лицом. Своим.

Искусство в мешке не утаишь

В Берне (Швейцария) открылась международная выставка антиискусства. Среди «художественных экспонатов» был выставлен для обозрения мешок с фасолью. Этикетка на нем утверждала, что это скульптура. Группа посетителей, не искушенная в тонкостях антиискусства, взяла мешок и рассыпала фасоль по выставочным комнатам и по лестнице. Успокаивая разгневанного директора выставки, посетители сказали: «Если фасоль в мешке — скульптура, то рассыпанная фасоль — тоже скульптура, только иной формы и тоже, следовательно, может быть экспонатом».

Директор подумал и согласился.

Дети, в банду собирайтесь...

Американский рекорд по количеству арестов за различные преступления держит юный правонарушитель, которому лишь недавно исполнилось пятнадцать лет. Талантливый ребенок начал свою карьеру в девятилетнем возрасте.

Половина арестованных в США за крупные преступления — юнцы в возрасте от 11 до 17 лет. «Великое общество» подготовило себе достойную смену.

Разговор в полицейском участке с мальчишкой: — Почему ты сбил с ног старушку? Ведь она сломала руку и ключицу. — Просто так... — Но все-таки, почему! — Хотел послушать, как она заорет...

(Из американских журналов «Лайф» и «Лун».)

В тихом городе

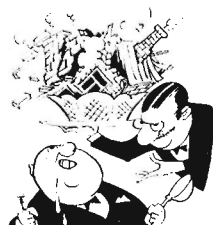
Графшафт — скромный, небольшой городок ФРГ. Здесь приютился так называемый институт аэробиологии — центр, где производятся и испытываются новейшие средства бактериологической и химической войны. Назалось бы, контеяль хоть куда вирусы с отравляющими веществами. Но в тихом Графшафте работают господа с безудержной фантазией. Последние эксперименты института сочетают испытание отравляющих веществ с термоядерной радиацией. В общем, как проговорился кто-то из ученых плодов, «мы ведем изыскания с того места, на котором закончили нацисты, и продолжаем начатое ими дело».

Остается лишь поблагодарить словоохотливое чудовище за откровенность.

Гурманы

Один из фешенебельных ресторанов западногерманского города Саарбрюнена усердно рекламирует блюдо под наименованием «Салат а ля землетрясение в Скопле». Салат назван «в честь» происшедшего несколько лет назад разрушительного землетрясения в югославском городе. Напоминание о трагедии жителей Скопле, очевидно, вызывает обильное слюотечение у местных гурманов.

БЕЗУМНЫЙ МИР

ГОРНЫЕ МСТИТЕЛИ

Ночь звездным одеялом укрывала Зардоб. Из-за высокорослого Кавказского хребта ярким пятком высвечивала луна. И было видно, как к окошку припали двое.

— Вагиф, это мы. Вагиф, мы пришли тебе сказать, что два орешка могут раздавить большой орех. Подумай. Мы хорошие люди и не хотим жертв.

— Да, да! Мы считаем до трех. Раз!

— Нет! — твердо ответил голос.

— Вагиф, мы сказали все!

Осветим ночь и действующих лиц.

«Хорошие люди» — заместитель редактора районной газеты «Памбыгча» Фазиль Иманов и его племянник Назир. «Большой орех» — заведующий районо Вагиф Салманов.

Фазиль и Вагиф были друзьями, меж которыми, казалось, не пробилась бы и Кура. Но между ними прошел Назир, племянник Фазили. И в фундаменте дружбы зазяла трещина.

Чтобы понять, как это случилось, надо знать, что значит азербайджанское имя Назир. Назир — это значит министр.

— Скажи, Назирчик, кем ты будешь? — ласково вопрошал дядя, располагаясь вместе с близкими и дальними родственниками под приятной тенью чинары в саду.

— Министром! — отвечал Назирчик.

Однако будущий министр имел лишь диплом плотника четвертого разряда, и дядя устроил его в школу-интернат преподавателем по труду. И заведующий районо Вагиф Салманов, просматривая как-то документы, наткнулся на топорной работы справку о том, что Назир успешно заканчивает среднюю школу.

— Кто сделал эту справку? — спросил Салманов Назира.

— Дядя Фазиль, — признался Назир.

Раскплатившись, Салманов передал справку в прокуратуру, а Назира уволил. Тот обиделся — и, ясно, к дяде. Дядя — в обратном направлении:

— Восстанови Назирчика и верни справку!

Друг упирался. И тогда-то глухой ночью «хорошие люди» сообщили ему про орешки, способные раздавить большой орех. Но друг по-прежнему упирался.

Понятно, объявить ему, как в старину, кровную месть Фазилу Иманову было не с руки — как никак заместитель редактора! Поэтому он пожаловался на упрямство

Салманова первому секретарю райкома П. Пашаеву. Упрямца вызвали на беседу.

— Ты что же обижаешь нашего славного Назирчика? — с чугуном в голосе сказал товарищ Пашаев. — Ступай и возьми его обратно на работу!

Так славный Назирчик возобновил трудовое воспитание юного поколения Зардоба. Прокуратура же сообразительно и спешно отправила его топорную справку в архив. А на другой день фельетонист «Памбыгчи», укрывшись за псевдонимом, стукнул по заведующему районо фельетонном.

Но не успел зав оправиться от этих уколов, как Фазиль Иманов, уже не укрываясь, выстрелил в него в порядке мести еще полдюжиной фельетонов и статей, полных гнева и небылиц.

В результате авторитет заведующего и всего районо оказался крепко надломлен.

Нет, мы далеки от того, чтобы взять Салманова под защиту, выписав его безупречно-образцовым заведующим, и уж тем более мстить за него. Речь идет об этике журналиста.

Печать — это не место для дуэлей и сведения личных счетов. Рассудив таким образом, Салманов кинулся в райком, к товарищу Пашаеву. Но тот был уже далеко — на посту заместителя министра мелиорации и водного хозяйства республики. А новый секретарь Ф. Эфендиев знакомился с сотрудниками и служебной перепиской. Понятно, ему было не до Салманова.

В такой благоприятной обстановке Фазиль Иманов, конечно, не спал. И, отложив срочный материал о подготовке к началу сева, ударил по Салманову аж передовой.

«Орешек» ликовал. И вдруг в столь радостный момент мстительного ликования на все злоязычные писания Иманова, не оставив от них строчки на строчке, обрушилась республиканская газета «Коммунист».

«Коммунист» ставил перед новым секретарем райкома резонный вопрос: может ли Ф. Иманов быть журналистом?

И товарищ Эфендиев принял меры: направил Ф. Иманова в Баку повышать квалификацию.

Любопытно, что предпримет квалифицированный дядя Фазиль, если славный Назирчик и в самом деле пожелает стать министром...

пос. Зардоб, Азербайджанской ССР.

— А вот угадайте, в какой руке сдача?

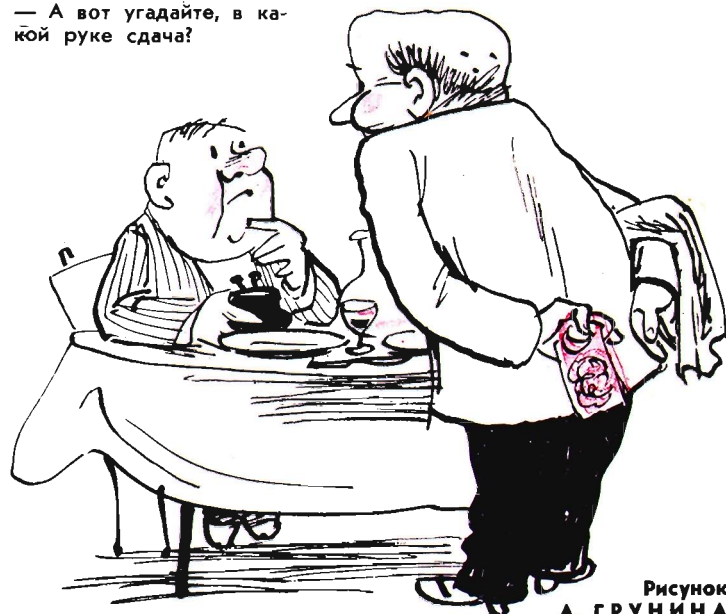

Рисунок
А. ГРУНИНА

Рисунок
М. ВАЙСБОРДА

Борис ЕГОРОВ

Я летел из Иркутска в Москву. Вернее, должен был лететь. Имел совершенно твердое намерение в кратчайшее время преодолеть пространство между Сибирью и Москвой с помощью реактивного летательного аппарата, который тяжелее воздуха. И в кармане лежал авиабилет.

После того, как багаж был сдан и зарегистрирован, я услышал по радио объявление, повергнувшее меня в некоторое уныние. Милый девичий голос уверенно и авторитетно сообщил, что в течение ближайших четырех часов никаких вылетов не будет.

Пассажиры побрели кто куда. Я тоже побрел со своим будущим соседом. У меня было место «А», у него «Б». В одном ряду.

По прошествии часа я сказал соседу, что неплохо бы вернуться в зал ожиданий. Душа полна смутных предчувствий. Сердце просится в полет.

— Нервишки у вас... — с легкой укоризной заметил мой спутник. — Ну, ладно, давайте вернемся. Когда мы ступили под козырек аэровокзала, другой девичий голос, также исполненный твердости, известил: самолет, в котором нахо-

дились наши законные места «А» и «Б», вышел на взлетную дорожку.

Мы кинулись к стойке, за которой были две хрупкие девушки в синих пилоточках. И, кроме нас, кинулись еще шесть прервавших моцион пассажиров.

— Как же так? Говорили, что через четыре часа, а прошло всего час двадцать...

Тогда одна пилоточка повернулась к другой пилоточке и спросила простодушно, с некоторым удивлением:

— Люська, чевой-то ты сболтнула? Люська сболтнула. А аэроплан улетел.

Дежурный обещал посадить нас на следующий, вылетающий через час.

Самолет или, как сейчас принято писать, серебристый воздушный лайнер, в котором находились наши чемоданы, должен был приземлиться во Внукове в два часа ночи.

Следующий, куда определяли отставших, держал курс на Шереметьево и прибывал туда в три часа ночи.

Предстояла восьмидесятикилометровая автопрогулка по ночной Москве и ее безмятежно спящим окрестностям.

Пассажиры схватились за грудные клетки. А в клетке у каждого было нежное человеческое сердце, но не пламенный мотор в десять тысяч лошадиных сил.

Хорошо, что в Омске мы свои чемоданы все же настигли. Посодействовала совсем нелетная омская погода.

Не имею злого умысла выдавать этот факт за типичный, но хочу рассказать еще о случае, который произошел совсем недавно — апреля 30 дня одна тысяча девятьсот шестьдесят девятого года от рождения Христа, который, как утверждают некоторые сомнительные источники, был космонавтом, неплохо летал и знал толк в аэродинамике и баллистике.

...В Гагре в дом отдыха пришел человек, и на нем не было лица. И на нем вообще ничего не было, кроме рубашки-безрукавки и штанов, хотя прибыл он на месяц.

— Путевка есть?

— В чемодане.

— А чемодан где?

— Гы! Если бы я знал!

АВАРИЯ

Давно уже теледиктор пожелал ей спокойной ночи. Отзвучала и радиопрограмма «Для тех, кто не спит». Вот и «Маяк» поздоровался с дальневосточными слушателями, первыми в стране вставшими на трудовую вахту. А Леночка еще не сомкнула глаз. Смятению ее не было предела. Впервые за всю их безупречную двухлетнюю супружескую жизнь Вася не пришел домой ночевать.

Леночка металась по комнате, ища объяснения этому непонятному случаю. Что это? Измена? Так внезапно? Вася боготворил ее. Она знала это доподлинно. Еще только сегодня утром, уходя на работу, он крепко поцеловал ее и намекнул на приятный подарок, который купит ей из своей премии.

Неожиданная встреча со старыми друзьями? Преферанс, домино, бильярд, ресторан? Нет, нет. Вася непременно позвонил бы и предупредил... Где же он?

Мрачная фантазия рисовала Леночке картины одну страшнее другой. На улице мокро, Вася поскользнулся, и его затянуло под семитонный самосвал... Нет, на него упал карниз. Сейчас так небрежно строят... кое-как... И нет Васи... Впрочем, не то. Он жертва хулиганья. Заступился за незнакомую девушку, и пожалуиста — нож в спину.

Лена обзвонила все больницы, все отделения милиции, но там не сообщили ничего утешительного.

В сознании теплилась последняя надежда: Вася лежит где-нибудь пьяный, беспомощный. Его насильно напоили дружки с этой новой работы — СМУ...

Три часа ночи. Кому звонить, куда бежать?

И вдруг легкий поворот ключа в замке — и на пороге он, Вася!

— Живой! — И Леночка кинулась к нему, обхватила, прижалась. — Боже, в каком ты виде? Мокрый, костюм в грязи... тебя, конечно, дружки подпоили... ты больше не будешь, правда? А теперь отлежись, костюмчик я сама почищу...

— Я вовсе не пьян, Ленуша, — улыбаясь и целуя ее, сказал Вася. — С утра не то что водки — росинки маковой во рту не было. Выезжали за город на аварию. Трубопровод разворотило. А под рукой телефона не оказалось.

— А ну, дыхни!

Вася был трезвее нарзана.

— Трезвый! В три часа ночи — и трезвый! А я умираю от страха! А ты...

— Лена, пойми, авария в поле...

— А семейная авария тебя не интересует?

— Ну, хорошо, прости!

— Пьяного простила бы. Но трезвого!..

Это была первая крупная семейная ссора за всю их безупречную совместную жизнь.

Рисунок А. ЦВЕТКОВА

— Сконструировали специально для наших дорог!

Он сошел с небес.

После того, как врачи применили новейшие успокоительные средства, он псевдал, что имел билет на самолет, вылетающий из Москвы.

Стальная птица должна была взять его на свой борт и плавно опуститься в Сочинском аэропорту. Но на борт авиапассажира не пустили, несмотря на то, что там, на борту, было его законное кресло. Оказалось, что билетов на этот рейс продано больше, чем позволяет объем самолета. Хвост очереди, выстроившийся у трапа, автоматически отсекали.

Полетел человек намного позже, и его лайнер коснулся белоснежной бетонной дорожки не в Сочи, а в Ростове. В Ростове было хмуру. Неудачливых воздухоплателей пересаживали с большого самолета на самолет поменьше и сказали: «Летите, голуби. О багаже не беспокойтесь».

Под пальмами Сухуми пассажир узнал, что вещички его улетели в Сочи. Поехал в Сочи. Там искомой ручной клади обнаружено не было. Последняя нашлась все же в... Сухуми, где находилась с самого начала.

Пусть не улыбаются железнодорожники: «Ай-яй-яй! Что бывает на аэрофлоте!» Можно было бы привести яркие, запоминающиеся примеры о том, как на железнодорожном транспорте продают билеты в вагоны, которых нет. Подходит к перрону кисловодского вокзала хороший современный комфортабельный поезд, а вагона № 13 в его составе не оказывается. То ли цифра несчастливая подвела. То ли день подвел — понедельник: забыли после праздника прицепить.

Я пишу не о ведомствах и министерствах. Министры пишут приказы, а стрелки переводят стрелочки. Я пишу о безответственности.

Стрелочки бывают не только на стальных магистралях. Они, невысокого служебного звания люди, сидят и за канцелярскими столами.

Выписывают, допустим, путевки в санатории. И пишут вместо Никандрович — Никанорович.

— Послушайте, девушка, мое отчество — Никандрович.

— Ах, какое это имеет значение! Но если бы только отчество в путевке перепутали!

— Ах, ах, милый человек, у вас курсортная карта заполнена неправильно. Это не ваши анализы. Кто вам заполнял куркарту?

— Медсестра, по просьбе врача. — То-то и видно. Не ваши анализы. И рост не ваш... И, послушайте, Никанорович или Никандрович, зачем вы обращались к гинекологу?

...Одна «Люська» сболтнула, что самолеты в течение четырех часов не полетят, другая продала билетов больше, чем было мест в самолете, третья, сухумская, не пожелала лучше поискать багаж, четвертая...

И все это они делали с легкостью необычайной — «люськи» в юбках и «люськи» в брюках, с длинными волосами и короткими. Впрочем, мужчины они или женщины, значения не имеет: теперь все в брюках и все с длинными волосами. И к тому же в куркарты мужчин вписывают заключения гинеколога.

Не буду увещевать: товарищи, давайте будем серьезнее... доколе... безответственность, она...

Передо мною две вырезки из местной газеты. Одна из них — некролог. Фамилия в траурной рамке

и сорок строк текста, подписанного группой товарищей: «...ушел безвременно... был стойким и принципиальным... навсегда останется...».

Вторая вырезка — опровержение некролога: «...принесим извинения... товарищ жив... на виновных наложено...».

Человек находился в другом городе, тяжело заболел, слух о том, что с ним случилось неприятное, дошел до родных мест. И какая-то «Люська» бухнула: умер. А другая, не проверив, стала собирать группу товарищей.

Когда некролог был напечатан, человек был жив. Он прочитал о себе, какой он был стойкий, принципиальный, и ему стало совсем худо. В тот же день он умер.

Описка, небрежность родили мифического поручика Кижэ. Но они могут убить человека, реально существующего, живого. А мы порой так снисходительно-юмористически относимся к очередному «люськиному» фокусу: «Ой, учудила!»

Если это, разумеется, не касается нас лично.

ОГОРЧЕНИЕ

Мелодист¹ домой пришел.
Хмур. Печален. Мрачен.
Зол.

И жена его спросила:
— Обсуждение было?
— Было.
— Забодали?
— Нет!
— Поругали?
— Нет!
— Заболел тогда ты или
Что еще произошло?

¹ В Якутии композиторов-самоучек называют мелодистами.

— Нет, приятеля хвалили!..
Это и нехорошо!

НЕПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ

Вопит он о своих правах —
Заметен всем его размах.
А про обязанности тихо
Он говорит.
К чему шумах?

ОТВЕТ ДЕВУШКАМ

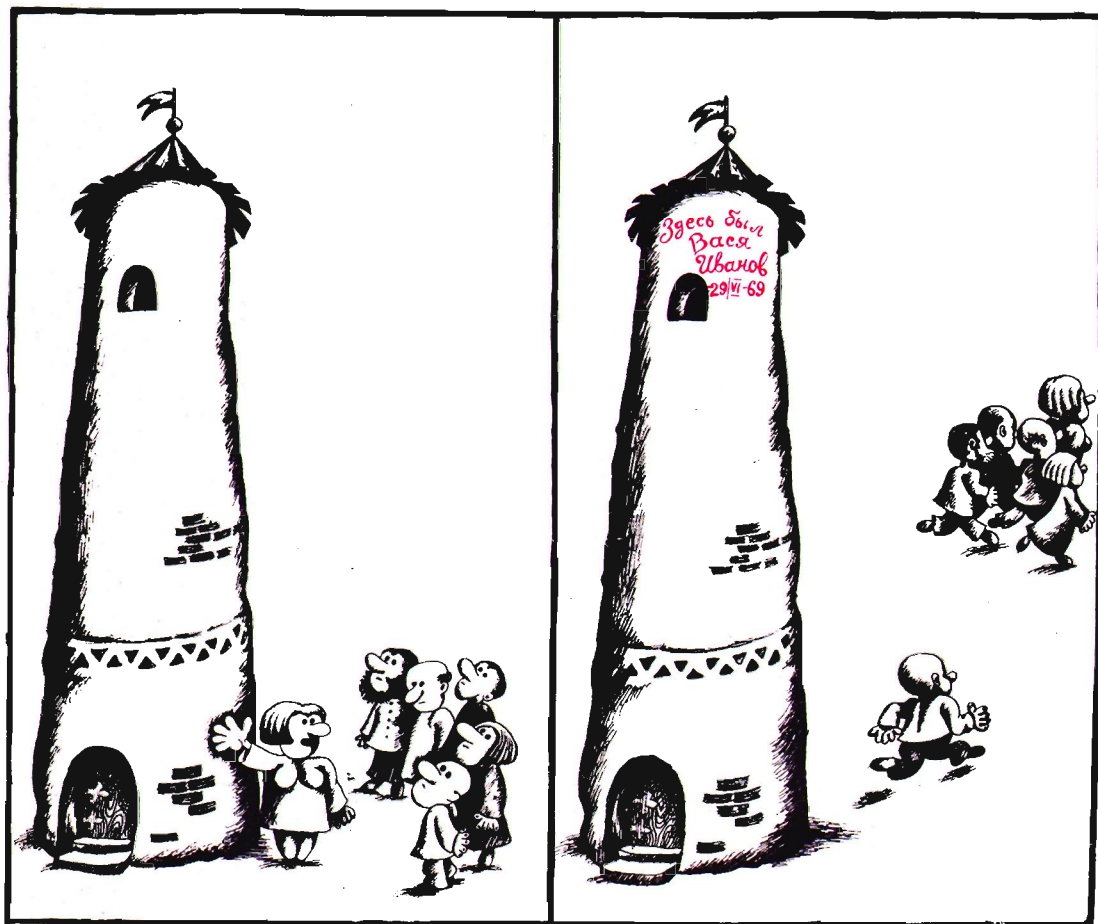
Спросили девушки его:
— Нам объясните, отчего
Вся голова у вас седа,
Черна, как ворон, борода?
И был ответ его не сложен:

— От старости вся седина,
А борода моя моложе,
И вам ровесница она!

ЗНАМЕНИТОСТЬ

Грубиян Харитон
Жил на белом свете.
Про себя фельетон
Он прочел в газете
И сказал: — Благодать!
Все теперь будут знать:
Вон идет Харитон,
Он не прост, Харитон,
Знаменит Харитон, —
Задаст в газете тон!

Перевел с якутского
Николай ГЛАЗКОВ.

— И ни один из женихов царевны не мог преодолеть эти неприступные стены...

Рисунок С. ФЕОФАНОВА

Надежда ЧЕРЕПАНОВА

ДУМАЙТЕ САМИ!

В серии первой — колеса, колеса...
Велосипеда,
Машины-колосса.
Вертятся резво,
Резво вертятся,
Быстро куда-то
От зрителя мчатся.

А во второй — ноги и ноги...
Ноги на лестнице, на дороге,
Ноги в ботинках,
Можно в сапожках,
Ноги босые и в босоножках.
Ноги волнуются, ноги сменяются,
Ноги в твисте
И в шейке вьются,
Ноги мелькают, ноги стоят
Час, и другой,
И четвертый подряд.

В серии третьей — глаза, глаза...
Слезы в одних,
А в других — гроза.

В пятой, в десятой,
В двенадцатой, в прочей...
Что вы!
Не надо стараться короче!

Главное, чтоб
Непонятный конец.
Он, как известно,
Делу венец.

Чтобы остался зритель в тревоге:
Ну, для чего ж
И дороги и ноги?..
Чтобы ни в чем разобраться не мог.
Может, колеса —
Это намек?

Может быть, слезы и глаз мерцанье
Есть утвержденье и отрицанье?
Пусть и другой возникает вопрос:
Взаимодействие
Слез и колес.

Как увязать босоножки с глазами?
Мудрые зрители,
Думайте сами!

Что вы сказали?
«Понятней хотим»?
Фи! Для чего же
Такой примитив?!

г. Чебоксары

Украинские перчинки

В. БОНДАРЬ

СКРОМНАЯ ЛУНА

— Мы с солнцем согреваем мир,
по правде говоря:
Днем кое-как оно,
а ночью — я.

П. РЕБРО

ПОМЕНИЛА...

— Твой муженек купил машину, Алла?
— Фи, «Запорожца»! Честь невелика!
— И что ж?
— Взяла и поменяла!
— Машину?
— Что ты! Муженька!

Н. СКРИПНИКОВ

ПРОШЛА ПО КОНКУРСУ

Шедевру хвасталась
на выставке Халтура:
— Я, как и ты, перед жюри
прошла три тура!

В. ЧУБЕНКО

ВЕРЬЛЮД

— Я не тщеславный выскочка-бездарность:
Своим горбом я нажил популярность!

Перевел Н. СКРИПНИКОВ.

— Ну что ты там увидел интересного?
— Автопогрузчик.

Е. ВЕСЕНИН

ЧАСТУШКА ЗАМЕДЛЕННОГО ДЕЙСТВИЯ

Младший научный сотрудник, или, говоря короче, «эмэнэс», Алексей Грошиков тайфуном ворвался в кабинет шефа, крупного ученого, профессора, доктора наук.

Разъяренный бык, недобитый тореадором, выглядел по сравнению с Грошиковым безобидным теленком. Задыхаясь, точно после приступа астмы, он с трудом выдал:

— Какая подлость?! И вы, Николай Павлович, молчите?!

Шеф не на шутку встревожился:

— Что случилось? Прошу, садитесь!..

— Мне сидеть некогда! — непочтительно отрезал Грошиков, и его левая бровь полезла вверх — верный показатель того, что волнение достигло предела.

— Валидол не хотите ли?

Грошиков отрицательно помотал головой, но таблетку все же взял. Наступила пауза. Эмэнэс стал дышать ровнее, левая бровь вернулась в исходное положение.

— Успокоились, голубчик? Садитесь и расскажите, что стряслось.

— Стряслось то, что нас с вами поносят на виду у всего города...

— А вы толком, конкретнее...

— Пожалуйста, могу конкретно: наши добрые отношения — кому-то кость в горле...

— А точнее нельзя ли? — Профессор, привыкший считать время не на минуты, а на секунды, терял всякое терпение.

— Точнее? — повторил Грошиков. — Извольте, сообщая голый факт: Букин из молекулярной лаборатории вчера вечером в городском сквере распевал похабную частушку. Собственными ушами слышал...

— И что же вы собственным умом поняли? — Профессор откровенно поддел Грошикова, который и прежде не раз уже поддавался беспричинной панике. — Ну, пел. Ну, выпил по случаю праздника. Что в этом страшного?

— Страшное — в самой частушке! Она полна грубых намеков...

— Намеки — еще не факт...

— А вы послушайте, не то скажете... Сами убедитесь... Вот она, записанная дословно, по свежим следам. — Грошиков вынул блокнот и, явно подражая Букину, пропел на мотив «саратовских страданий»:

Жизнь его — не шоколад,
А сплошной кромешный ад:
Чтобы верность доказать
И к начальству быть поближе,
Лижет спину, лижет ниже —
Дальше некуда лизать...

— И это все? — спросил шеф, сохраняя невозможное спокойствие, достойное его высокого звания. — Что-то похожее есть у Маяковского...

— Маяковский меня в глаза не видел... А если даже и так, значит, Букин еще и плагиатор... А разве у Маяковского есть про шоколад?

— Какой шоколад? — вытаращил глаза шеф, досадуя, что из-за пустяков его отрывают от важного дела.

— Да, в частушке явный намек на мой подарок к вашему юбилею: фигурный шоколадный торт...

— Вольно же вам принимать на свой счет...

— Определенно и про меня и про вас... Помните мое слово, частушка эта, как мина замедленного действия, взорвется на весь институт. Но будет уже поздно, мы станем посмешищем всего города...

Чтобы отвязаться, шеф пообещал:

— Ладно, я вызову Букина, сделаю ему внушение...

— И только? В таком случае, примите мое официальное заявление... Я требую принятия действенных мер! Я этого так не оставлю...

Грошиков помчался в местком. Однако председатель месткома и слушать не стал.

— Как чуть прижмет, сразу же в профсоюз! А задолженность по членским взносам кто погасит? Минин и Пожарский? — самодовольно сострил предместкома.

Грошиков тут же уплатил за четыре месяца и добровольно внес вперед за пятый.

— Теперь другой коленкор, — повеселел председатель.

Грошиков по просьбе Пташкина несколько раз повторил вслух кромешную частушку: предместкома все глубже вникал в ее преступный смысл, а затем под диктовку Грошикова записал ее на отдельном листочке и, задумавшись, многообещающе изрек:

— Понимаю! Сочувствую! Налицо явное хулиганство! Тут бы на всю катушку показательный процесс. С общественным обвинителем... Это беру на себя... Как, говорите, фамилия? Букин? — спросил он и стал рыться в картотеке. — Букин? Букин?.. Букин в картотеке не значится... Должен огорчить, он на учете не у нас, а в другой профорганизации — по месту прежней работы. Нам, так сказать, неподчиненный... Обидно... Так что остается один путь: в народный суд.

В юридической консультации Грошикову пришлось снова — в который раз! — поведать о фигурном шоколадном торте, преподнесенном шефу в день юбилея. Но юрист — и попался же такой дотошный крючокотвор! — требовал более вещественных и конкретных доказательств.

— Взвесим факты эква ланца — беспристрастно. Ведь кто-то еще, кроме вас, мог подарить профессору такой же шоколадный торт. Предположим, мы де-юре докажем, что частушка посвящена вам, но кто еще, кроме вас, подтвердит, что именно ответчик Букин ее исполнял? Свидетелей-то нет...

Грошиков рвал и метал. Рвал подметки, обивая пороги всевозможных инстанций, и метал испепеляющие молнии, которые, увы, ничуть не испепелили Букина.

Не находя поддержки нигде в инстанциях, Грошиков искал сочувствия у случайных прохожих.

Он без конца повторял всем встречным злополучную частушку и тут же, на улице, в трамвае, в автобусе; приводил все новые аргументы своей незабываемой правоты.

Работа над диссертацией, сулившая Грошикову кандидатскую степень и блестящую карьеру ученого, была заброшена. С любимой девушкой он рассорился. Не желая ее огорчать, он скрыл от нее конфликт с Букиным, но та интуитивно почувствовала, что с Грошиковым творится что-то неладное.

— Что с вами, Леша? — от души пожалела она его. — Вы опустились, не бреетесь, заплесневели, как прошлогодний шоколад...

Одного только слова «шоколад» оказалось достаточно, чтобы привести Грошикова в шоковое состояние.

— Ах, и ты, Брут! — горестно воскликнул Грошиков. Его левая бровь взметнулась выше нормального. Не попрощавшись, он выбежал на улицу.

Любимая девушка, имевшая довольно смутное представление об истории Древнего Рима, никак не могла понять, почему Леша назвал ее, Варю, Брутом и почему так бурно реагировал на ее столь невинное замечание.

Вконец обескураженный, никого не замечая, Грошиков возвращался домой. И вдруг оцепенел: впереди него какие-то подростки распевали знакомую частушку, распевали лихо, задорно, хотя ее сокровенный смысл едва ли был им понятен.

Жизнь его — не шоколад,
А сплошной кромешный ад:
Чтобы верность доказать
И к начальству быть поближе,
Лижет спину, лижет ниже —
Дальше некуда лизать...

Вот она, мина замедленного действия! Пакостные мальчишки! Грошиков остановил их и грозно крикнул:

— Чего распелись? Что за безобразие!

Мальчишки — враспылку. Грошиков погнался за ними. Ему не терпелось отодрать их за уши: не удалось наказать автора, так пускай хотя бы исполнителей коснется карающая десница. Но мальчишек и след простыл...

Грошиков возвращался домой, сжимая кулаки в бессильной злобе. Левая бровь взобралась высоко на лоб. Он шел, погруженный в тяжелые думы: кто это злонамеренно распространяет в народе частушку, кто расставляет на каждом шагу эту мину замедленного действия?

И ответа не находил...

Антрепренер — известному певцу:

— За один концерт вы хотите получить больше, чем американский президент зарабатывает за неделю.

— Так почему бы вам не пригласить выступить президента?

— Папа, когда меня принес аист?

— Десятого марта, сынок.

— Интересно! Как раз в день моего рождения.

Возвращаясь с вечеринки, жена говорит мужу:

— Ты весь вечер городил чудовищные глупости. Хорошо еще, никто из собравшихся не понял, что ты был совершенно трезв!

— О, боже, — сказала мышь, — для чего ты сотворил kota нам на погибель?

— Я никому не хотел причинять зла, — ответил ей бог, — просто меня осенила идея создать крошечного тигра на транзисторах.

Папа толкает коляску с орущим младенцем и тихо повторяет: «Спокойно, Вася, успокойся, Вася». Идущая навстречу старушка замечает: «Малютка все равно вас не понимает, лучше взяли бы его на руки и успокоили...» «Видите ли, гражданочка, — отвечает папа, — Вася — это я».

Сулейман пошел к врачу. Тот предписал ему лекарства. Сулейман купил их и выбросил в окно. Удивленный приятель спрашивает:

— Зачем ты так сделал? Большой ответил:

— Я пошел к врачу, потому что ему нужно жить, купил лекарства, потому что и аптекарю нужно жить. А выбросил потому, что и мне хочется жить.

Пожилая женщина обращается к знакомой:

— Мой сын — настоящий хирург: сделал уже почти триста операций и ни разу не порезался!

Две женщины разговаривают о знакомой, бывшей козыбелке:

— Посмотри, как она еще свежо выглядит...

— Ничего удивительного, три четверти своей жизни она провела на льду!

Прекрасным июньским утром 1968 года в Новый Афон прибыл представительный незнакомец с супругой. Незнакомцу было под пятьдесят, и лицо его источало добродетель и строгость. Жена была под стать ему, и прибывшие являли собой прекрасную пару, пронесшую сквозь десятилетия столь редкую в наши дни привычку проводить свой отпуск вместе.

Они степенно прошли по улицам и в задумчивости остановились возле дома Моисея Акоповича Пилосяна, повара Новоафонского потребобщества.

— Вот хороший человек, — сказал незнакомец своей жене. — Смотри, какие честные, правдивые глаза. Нет, только здесь мы должны остановиться...

Незнакомец подошел к растаявшему Пилосяну и протянул руку.

— Давайте знакомиться. Степан Исаакович Лобода, председатель чрезвычайной комиссии по списанию легковых машин страны.

— Так вы министр? — обомлел хозяин, с благоговением пожимая холеную, белую руку.

Гость тонко улыбнулся, что означало примерно следующее: куда

там рядовому министру до Лободы!

Потом они сели за стол с видом на море и кипарисы и долго пили душистую «Изабеллу».

— Хорошо живешь, Моисей Акопович, — сказал Лобода, кивнув на море и кипарисы. — А вот есть ли у тебя машина?

— Нет... — замирая от сладкого предчувствия, пробормотал хозяин.

Он и сам хотел было заострить на этом внимание, но гость словно прочел его мысли.

Степан Исаакович молча налил себе стакан вина, приподнялся и в задумчивости посмотрел на море и кипарисы.

— Степа... — робко сказала жена. — Ну ты же можешь, помоги...

Степан Исаакович, словно решившись, залпом осушил стакан и жадно закусил шашлыком.

— Утвердили, — сказал он. — Чего не сделаешь для человека с такими честными глазами! У такого человека не может быть плохих родственников и друзей...

— Значит ли это, дорогой, — задыхнулся Пилосян, — что ты можешь и им?..

КРОКОДИЛ ПОМОГ

«ШАБАШНИК С ПЕРЛОНОВЫМ ГАЛСТУКОМ»

КОЛХОЗ «ВЕЧЕРНЯЯ ЗАРЯ» ИЩЕТ СПЕЦИАЛИСТА ДЛЯ УСТАНОВКИ МАШИНЫХ ВЕСОВ. ОПЛАТА ПО СОГЛАШЕНИЮ. ПРОЕЗД ЗА СЧЕТ КОЛХОЗА. ВАГОН МЯГКИЙ.

Такое объявление было опубликовано в «Крокодиле» № 5 за этот год. К объявлению был приложен фельетон Р. Киреева, рассказывающий о шабашнике с перлоновым галстуком. Рвач победоносно являлся в село, и жители глядели на него с тихим благоговением.

А что оставалось делать жителям, коли не существовало организации, которая устанавливала бы и ремонтировала сложное современное сельскохозяйственное оборудование?

На объявление откликнулись. И не только специалисты по машинным весам. Откликнулся заместитель председателя Всесоюзного объединения «Союзсельхозтехника» тов. Швыдько.

После выступления «Крокодила» проведена всесоюзная конференция, где обсуждались вопросы, поднятые в фельетоне. В системе «Сельхозтехники» создан отдел по техническому обслуживанию сложного животноводческого оборудования.

В 1969 году силами монтажных организаций «Сельхозтехники» будет смонтировано оборудование более чем на 3 000 нефтебазах. Предусматривается создать специализированные бригады в каждом районном объединении, обеспечив их материально-техническими средствами, и принять на техническое обслуживание все имеющиеся в хозяйствах доильные и холодильные установки.

Настоящей публикацией «Крокодил» сообщает, что действие приведенного выше объявления прекращается.

«КОМУ ПОДМЕТАТЬ!»

В «Крокодиле» № 28 (1968 г.) был опубликован одноименный фельетон А. Суонцева. Объектом критики послужило антисанитарное состояние города Гурьева.

Как сообщил редакции председатель исполкома городского Совета депутатов трудящихся гор. Гурьева тов. Пустохаилов, фельетон обсуждался на заседании исполкома и в областном комитете партии. Городской актив обратился ко всем жителям с просьбой навести в городе образцовый порядок.

Плоды раздумья

Я развязал тебе руки не за тем, чтобы ты связал их мне.

Знай себе цену, но не продавайся.

Случайная удача приносит больше радости, чем закономерный успех.

Ослос больше всего возмущает человеческое упрямство.

В. ЖЕМЧУЖНИКОВ

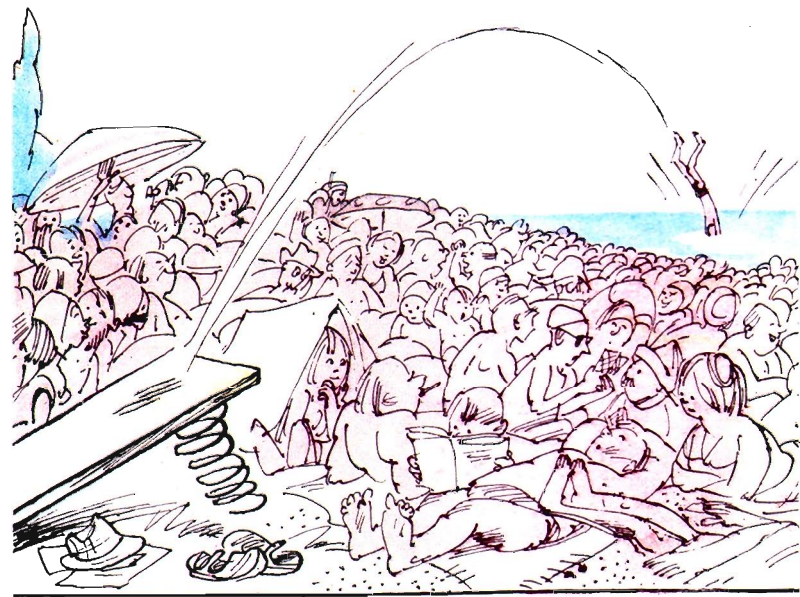
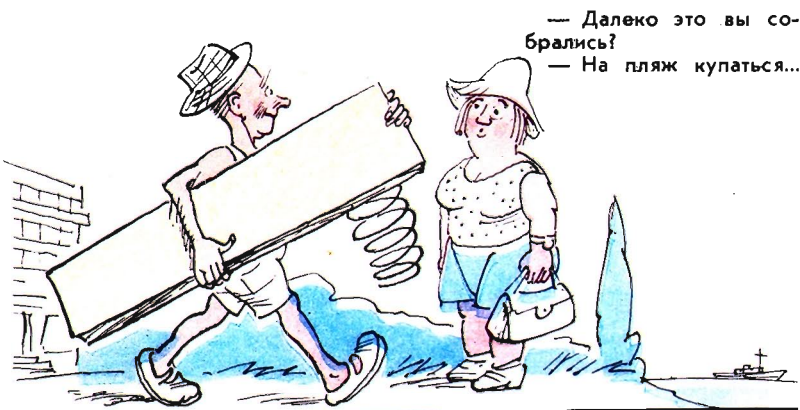

Рисунок Ю. УЗБЯКОВА

— И тебе и им, — ответил гость. — Утвердили. Списанная «Волга» обойдется в 2 400 рублей, списанный «ГАЗ-69» — 1 300 рублей. Не забудьте справки с места работы и жительства и о том, что не имеете машину, ну и кое-какой денежный аванс... Но главное — справки.

Передав гостю 450 рублей, Пилосян бросился за родственниками и друзьями, и вскоре государственный человек Лобода принимал всех в снятой им комнате.

— Следующий, — деловито говорил он, сидя за столом и держа в руках красный карандаш. — Какой у вас вопрос? Поможем. Решим. Документы и денежки сюда. Утвердили. Следующий.

Желающих приобрести машину нашлось много. Колхозник Айс Агулава вручил Степану Исавковичу 105 рублей, шофер Гудаутского АТК Лад Аргун — 115 рублей, пенсионер Ясон Гумба — 192 рубля...

С каждым днем число граждан, жаждущих приобрести списанную автомашину, увеличивалось, и среди них появился некто Эдвард Зопунян. Поглядев на справки Зопуняна, Лобода заметно оживился.

— Работник Новофонской милиции?

— Так точно, товарищ председатель комиссии.

— Черную «Волгу», — шепотом сказал Лобода. — С восьмицилиндровым мотором, совсем новенькую... Чтоб любого преступника на любой машине догнать смогли! Утвердили.

Закончив отдых, государственный человек отбыл в Москву, и его провожали счастливые полублагодатели легковых автомашин...

Время шло, а от благодетеля не поступало никаких реляций. И тогда в Москву прикатил «особо уполномоченный» будущих автомобилистов Моисей Акопович.

Его бывший гость был на сей раз мрачен. Он отказался от вина и тяжело вздохнул:

— Какую ночь не сплю... Серьезная международная обстановка... Все готово для получения. Все инстанции. Но надо ждать смягчения напряженности. А пока ждите особых распоряжений.

И «автомобилист», с тоской глядя на проносящиеся мимо чужие и пока не списанные «Волги» и «ГАЗы», уехал восвояси.

Вскоре состоялась еще одна встреча Лободы с его клиентами.

Событие было отмечено шашлыком, коньяком и заздравными тостами.

— Машины выделены, — сказал Лобода, доев и допив. — Записывайте номера. А теперь — каждый по 600 рублей и ждите вызова.

И вызов пришел. «Автолюбители», а точнее, потерпевшие, вызывались в суд по делу мошенника Лободы.

Именем Грузинской ССР нарсуд Гудаутского района приговорил ранее судимого Лободу к пяти годам лишения свободы в исправительно-трудовой колонии усиленного режима.

И когда конвой выводил «государственного человека» из зала, кто-то засмеялся, и через минуту уже смеялись все, кто был в зале. Смеялись над поникшей «группой гражданских истцов» во главе с «уполномоченным» Моисеем Акоповичем Пилосяном.

Жалости они не вызывали.

Г. ШАВГУЛИДЗЕ,
начальник следственного отдела
МВД Абхазской АССР

г. Сухуми.

КРОКОДИЛ

№ 21 (1923)

ГОД ИЗДАНИЯ
СОРОК ВОСЬМОЙ
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
«ПРАВДА»

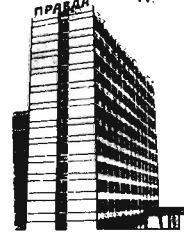

журнал
выходит
три раза
в месяц

Темы рисунков этого номера придумали:
Ю. Андреев, А. Грунин,
В. Каневский, Н. Станиловский,
Ю. Степанов,
И. Сычев, Ю. Узбяков,
С. Феофанов, Е. Шабельник.

НАШ АДРЕС:

МОСКВА А-15
БУМАЖНЫЙ ПРОЕЗД
Д. 14

ТЕЛЕФОНЫ:
250-10-86
253-34-37

Главный редактор
М. Г. СЕМЕНОВ

Редакционная коллегия:

М. Э. ВИЛЕНСКИЙ
А. Е. ВИХРЕВ
(зам. главного редактора)

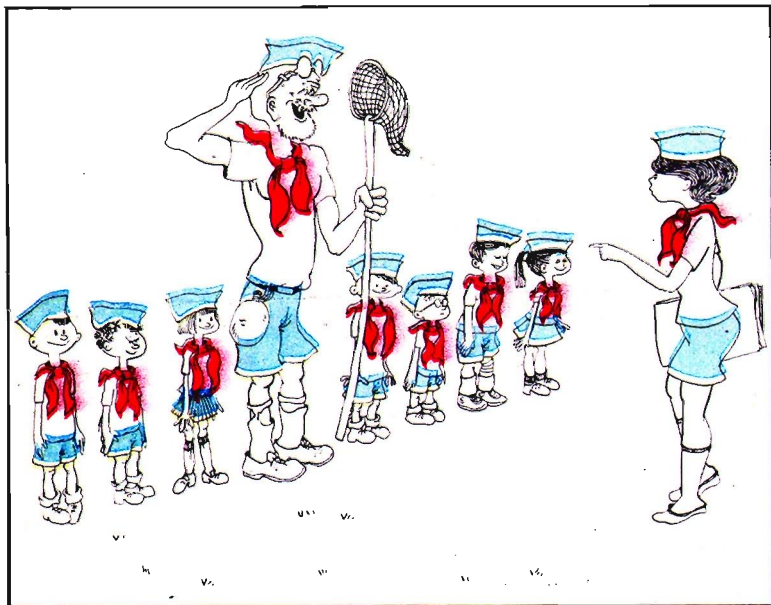
Б. А. ЕГОРОВ
Б. Е. ЕФИМОВ
В. Д. НАДИН
(ответственный секретарь)

И. М. СЕМЕНОВ
С. В. СМЕРНОВ
А. А. СУКОНЦЕВ
А. И. ХОДАНОВ
Н. И. ШТАНЬКО
Е. А. ШУКАЕВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»

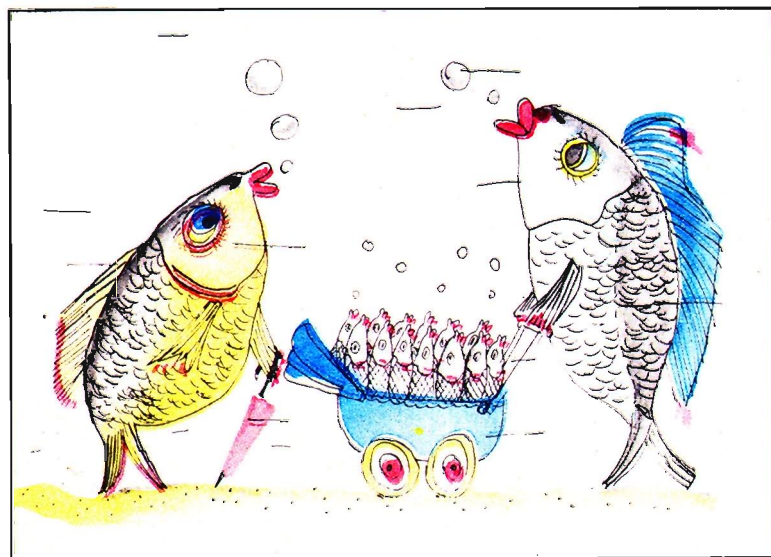
А 01168.
Подписано к печати
18/VII 1969 г.
Формат бумаги 70x108¹/₁₆.
Объем 2,80 усл. печ. л.
4,54 уч.-изд. л.
Тираж 5 500 000 экз.
(1 завод: 1 — 4 441 900).
Изд. № 598.
Заказ № 2008.

Ордена Ленина
типография газеты
«Правда» имени
В. И. Ленина.
Москва, А-47,
ул. «Правды», 24.

— А вы как сюда попали?
— У меня было очень трудное детство, но я не переставал мечтать о пионерском лагере!

Рисунок **Е. ШАБЕЛЬНИКА**

— Ваши детки, милочка, все в отца, особенно вон тот, старший.

Рисунок **В. КАНЕВСКОГО**

Из писем в редакцию

«Дорогие гг. редакторы! Прошу обратить ваше внимание на недостатки и замечания в сторону красоты нашего города».

«Уважаемая редакция! Разрешите обратиться к вам с возмущенным недопонимающим вопросом, касающимся социального обеспечения».

«Я сам слесарь, работаю в ЖКК, но со школьной скамьи питаю страсть к поэзии и даже сам все время пишу, конечно, только для себя, ибо на большее я не способен...»

«Письмо мое будет нескладным, может, неграмотным, но у меня столько мыслей, что не хочу думать о грамоте».

«Я мог бы не ограничиться сообщением о каспийском дельфине, но скромность, которой я неизлечимо страдаю с самого детства, не позволяет мне быть слишком назойливым».

«Возможно, стихи мои неуместны, если их можно назвать стихами, я их нигде никогда не печатал, их можно заменить прозой».

«Я стал бежать по перрону даже тогда, когда он кончился в сторону Саратова...»

«А муж ее к этому времени так налкался водки, что еле ноги держали его, а глаза смотрели в космос».

Собрал **Ю. ШВЕЦКОВ**

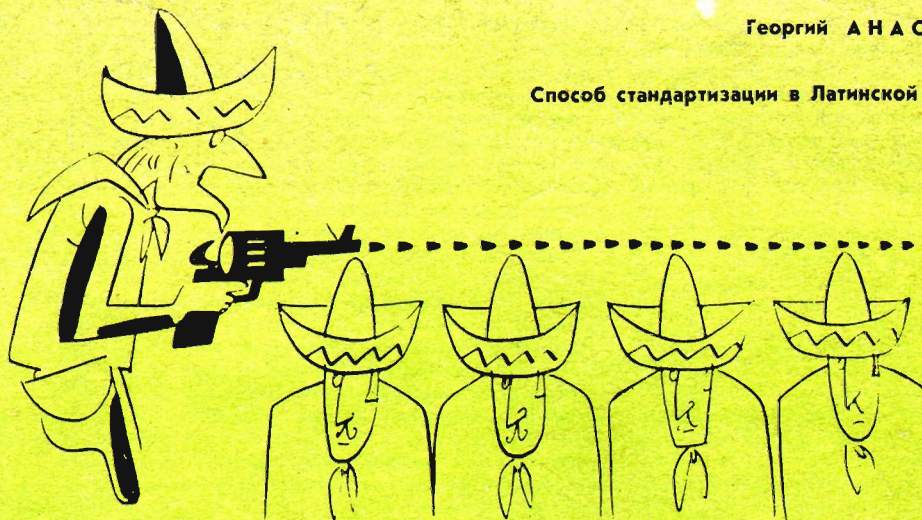
г. Волгоград.

Недавно наши болгарские друзья привезли в Советский Союз выставку своих карикатур. Сегодня мы печатаем несколько работ с этой выставки.

Георгий АНАСТАСОВ

Способ стандартизации в Латинской Америке.

КАРАНДАШ

Союзники.

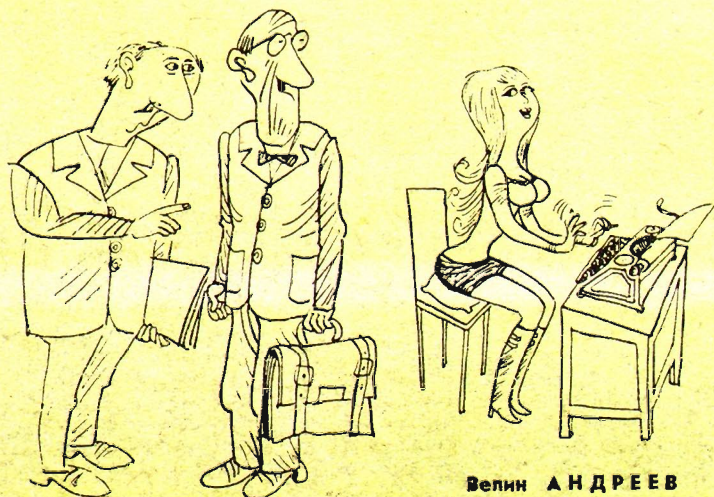
Борис АНГЕЛУШЕВ

Сборщицы винограда: — Вот они какие!
Писатели: — Вот они какие!

Стоян ВЕНЕВ

— Ах ты, сукин сын, до каких пор будешь носить мне детей!

Велин АНДРЕЕВ

— И мы внедряем новое, назначили новую машинистку!

Асен ГРОЗЕВ

— Хватит тебе читать, теперь все пишут.